



Православный листок

прихода преподобного Серафима Саровского в Монреаль
Русской Зарубежной Церкви под омофором митрополита Виталия

№ 10 Сентябрь 2004 г. Р. Х.



Въ этомъ номерѣ:

- Изъ отечника
- Праздники
- Истинный пастырь Божій
- Предъ Судомъ Божимъ
- Расписание Богослужений

ИЗЪ ОТЕЧНИКА

ИСААКЪ СИРСКИЙ:

1. Лѣстница въ Небесное Царство находится внутри тебя: она существуетъ таинственно въ душѣ твоей.
2. Первый признакъ помраченія, усматриваемый въ душѣ, состоитъ въ лѣнности къ службѣ Божіей и молитвѣ.
3. Не проси у Бога того, что Онъ Самъ даетъ намъ безъ прошенія нашего, по Своему Промышленію (пища, питіе и пр.).
4. Если молишься Богу о чемъ-либо, и Онъ медлитъ услышать тебя, не скорби объ этомъ, - ты не умнѣе Бога.
5. Все удобно достигаемое и утрачивается скоро; все же обрѣтенное съ болѣзнію сердца хранится тщательно.
6. Если дѣла твои не благоудны Богу, что не проси у Него великихъ дарованій.
7. Всякая молитва, при которой не трудится тѣло, а сердце не придетъ въ сокрушеніе, признается незрѣвшимъ плодомъ, - поэтому что такая молитва безъ души.
8. Возлюби болѣе поклоны въ молитвѣ, нежели псалмопѣніе.
9. Небо находится внутри тебя, если ты чистъ.
10. Сокровище смиренномудреннаго внутри его: оно Господь.

УСЪКНОВЕНІЕ ГЛАВЫ ІОАННА ПРЕДТЕЧИ – 29 августа / 11 сентября.



Усѣкновение главы Іоанна Предтечи (Мѣ. 14, 1-13; Мр. 6, 14-30). „И пославъ усѣкну Іоанна въ темницѣ". Боялись сдѣлать это публично, но все-таки убили. Такъ мало значать гуманныя требованія гласности и публичности для искорененія зла: они

не останавливаютъ воли къ злодѣянію и последнее осуществляется въ иныхъ условіяхъ и формѣ. Эти требованія закона не исправляютъ совѣсти злодѣя и онъ находитъ способы насытить свою злобу. Совесть сильнее закона. Обойденный законъ не тревожилъ Ирода, но голосъ совести не давалъ ему покоя; перебивая всѣхъ толкователей личности Христа, Иродъ говорилъ о Немъ: „яко Іоаннъ Креститель отъ мертвыхъ воста, и сего ради силы даются о немъ". Языческой царь спросилъ Зоровавеля, что сильнѣе всего на свѣтѣ? и

послѣдній отвѣтилъ: „совѣсть сильнее царей“. Злодей заботится, чтобы скрыть содеянное зло. Иродъ его скрылъ, но всю жизнь былъ снѣдаемъ совѣстью.

Іоаннъ Креститель прославился нетлѣніемъ, а Иродіада, горѣвшая при жизни въ огнѣ страстей, нашла смерть, замерзши отъ холода.

Отвратительны не только личные убійцы, но и не противящіяся злу. У нихъ нѣтъ преступленія, которое имъ надо, какъ Ироду скрывать отъ закона, но они также не имѣютъ спокойствія отъ совѣсти, изобличающей ихъ малодушіе, и въ нихъ всегда чувствуется печальность и беспокойствіе..

Блаженнейшій митрополитъ Антоній

СВЯТЫЙ БЛАГОВѢРНЫЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ НЕВСКІЙ – 30 августа / 12 сѣнтября



Въ детствѣ мы любили сказки о богатыряхъ. О сильныхъ, честныхъ, добрыхъ. О тѣхъ, кто никогда не предасть, не

обманетъ. На нихъ всегда можно положиться. Всегда отъ всякой бѣды такіе вывезутъ на своемъ вѣрномъ конѣ. Почему въ насъ эта любовь къ будто сказочнымъ богатырямъ? Потому что они были! Однимъ изъ такихъ, навѣрное самымъ, что ни на есть настоящимъ богатыремъ былъ святой благовѣрный князь Александръ Невскій. Солнце Земли Русской назвалъ его народъ. Александръ Невскій былъ подлинно солнцемъ. Онъ былъ надеждой и оплотомъ русскаго народа. Защитникомъ, воиномъ, миротворцемъ. Для насъ, православныхъ онъ не просто историческая фигура. Онъ не просто богатырь, крѣпкій теломъ, но прежде всего - духомъ. Онъ побѣждалъ не только земныхъ враговъ, но въ первую очередь духовъ злобы поднебесной (Еф 6:12).

Господь поставилъ его вести, защищать и укрѣплять русскій народъ, которому

надлежало на время стать великимъ, примѣромъ православной вѣры. Александръ это ясно осознавалъ. Когда онъ передъ невской битвой сказалъ "не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ", то совершенно точно опредѣлил свое назначеніе. Эти слова вдохновлены несомненно Евангелиемъ - "Не бойся, малое стадо: яко благоизволилъ Отець вашъ дати вамъ Царство" (Лук. 12, 32).

Александръ шелъ въ бой за Бога, а не за людей въ первую очередь. А Богъ уже все самъ управитъ, и защититъ и дастъ побѣду. И давалъ! Вмѣстѣ со святымъ Александромъ бились ангелы божіи и святые угодники. Имѣя ничтожныя силы по сравненію съ противникомъ, девятнадцатилѣтній Александръ побѣждалъ такъ, что ужасалась вся враждебная къ православной Руси, охваченная латинской ересью Европа.

Александръ, будучи великимъ воиномъ и народнымъ предводителемъ имѣлъ огромное смиреніе. Послѣ того, какъ онъ защитилъ прежде отвергшихъ и фактически изгнавшихъ его новгородцевъ, Александръ въ первую очередь прибѣгалъ не къ почестямъ, которыя ему готовы были дать, но къ Престолу Божію, въ Храмъ. Онъ отдавалъ должное своему Владыкѣ, своему Небесному Воеводѣ, потому что ясно видѣлъ себя воиномъ Христовымъ.

Большимъ испытаніемъ воли и смиренія для Александра было требованіе прибыть къ монгольскому хану на поклонъ. Великому воину, Александру пришлось ѣхать фактически на поклонъ къ захватчику. Можно ли въ этомъ усмотрѣть трусость или безволіе? Нѣтъ! Александръ не мнилъ себя особымъ изъ человѣковъ, и, если Господь смирялъ его, то онъ смирялся. Онъ вынужденъ былъ поѣхать, чтобы не навлечь на своихъ людей еще большей бѣды. Чемъ онъ жертвовалъ? Исключительно своей честью земной, мірской, но никакъ не вѣрой. Александръ поклонился хану, которому Господь далъ мірскую власть, сказавъ: "Царь, я поклонюсь тебѣ, потому что Богъ почтилъ тебя царствомъ, но твари не стану кланяться... Я служу единому Богу, Его чту и Ему поклоняюсь". И эти слова также несомнѣнно были вдохновлены Евангелиемъ: "Ты не имѣлъ бы надо Мною никакой власти, если бы не было тебѣ дано свыше;" (Ин. 19:11). Онъ также подъ страхомъ смерти отказался пройти языческій обрядъ. За такой отказъ до него убили святаго князя Михаила. Александръ, зная это, сказалъ: "Я — христианинъ, и мнѣ не подобаетъ кланяться твари. Я поклоняюсь Отцу, и Сыну, и Святому Духу, Богу единому, в Троицѣ славимому, создавшему небо и землю и вся, яже въ нихъ суть". Какова дерзость по Богу, какое упованіе! Ханъ не дерзнулъ тронуть Александра, но восхитился имъ (Ин. 19:5). Вотъ

подлинный примѣръ побѣды черезъ смиреніе. Въ этомъ Богъ!

Прежде чѣмъ отойти ко Господу, Александръ принялъ святую схиму съ именемъ Алексій. До самой послѣдней минуты своей жизни Александръ оставался съ Господомъ. Имъ руководился, Имъ утѣшался, Имъ побеждалъ. Подъ конецъ же отдалъ и имя и славу Ему, ставъ монахомъ.

На такихъ святыхъ войнахъ стоитъ православный людъ. Ихъ защитою и молитвою мы укрѣпляемся. Кто изъ насъ не довѣрился бы такому князю? Кто изъ насъ не возопилъ бы къ нему: "Святый отче Александре, моли Бога о насъ"? Онъ, - добрый воинъ Христовъ, сказочный богатырь не оставитъ насъ, но защититъ и убережетъ отъ врага. Слава Богу, что такіе богатыри живутъ

не только въ сказкахъ и книжкахъ, но съ нами въ Церкви Христовой. По молитвамъ ихъ, мы отъ полчищъ вражескихъ отойдемъ ко Господу, отъ тучъ къ Свѣту. Помогать намъ въ этомъ непрестанно будетъ солнце земли русской – святый благовѣрный князь Александръ Невскій. Аминь.

ИСТИННЫЙ ПАСТЫРЬ БОЖІЙ - „Богъ вамъ прибѣжище и сила“.

Велика рать Христовыхъ вѣрныхъ служителей. Большая часть ихъ, какъ пчелки Божіи, незаметно для міра трудятся на нивѣ Господней, но есть и такіе, которые, какъ звѣзды небесныя, ярко сіяютъ благодатию Христовою. Благодарное потомство свято хранить память о такихъ подвижникахъ евангельской любви. Въ назиданіе намъ вотъ что передается объ одномъ истинномъ пастырѣ, священникѣ села Спасъ-Чекрякъ, Орловской губ., Волховскаго уѣзда, отцѣ Григоріи Косовѣ. Поступивъ въ Чекрякскій приходъ, отецъ Георгій нашель здѣсь такую бѣдность и запущенность, что совсѣмъ собрался было уходить отсюда, чтобы не умереть съ голоду, и особенно потому, что здоровье его было такъ плохо, что онъ кашлялъ кровью, но остался лишь потому, что отецъ Амвросій Оптинскій удержалъ его отъ перехода. Повинуясь совѣту великаго старца, о. Георгій остался въ Спасъ-Чекрякъ, и съ тѣхъ поръ чрезъ него великая сила Божія совершается здѣсь: устроенъ великолѣпный каменный храмъ, трехъэтажный домъ трудолюбія, школа и домъ страннопріимный; толпы богомольцевъ текутъ отовсюду

въ дотолѣ безвѣстное село Чекрякъ. Какъ же все это совершилось? Вотъ что разсказалъ объ этомъ - самъ отецъ Георгій.

«Когда я приѣхалъ сюда—меня оторопь взяла: что мнѣ тутъ дѣлать? Жить не въ чемъ, служить не въ чемъ, домъ старый-престарый. Церковь, того и гляди, пойдешь служить, самого задавить. Доходовъ почти никакихъ. Безнадежное всегда было это мѣсто. Прихожане удалены отъ храма и отъ причта. Народъ бѣдный—самимъ впору еле кормиться. Что мнѣ тутъ было дѣлать?! Священникъ я въ то время былъ еще молодой, неопытный, къ тому здоровьемъ былъ очень слабъ — кровью кашлялъ. Матушка моя была сирота бѣдная. Поддержки, стало-быть, ни отсюда, ни отсюда не было, а на моихъ рукахъ были еще младшіе мои братья. Оставалось бѣжать. Такъ я и замыслилъ.

На ту пору велика была слава отца Амвросія. Оптина отъ насъ верстахъ въ шестнадцать. Какъ-то по лѣту, ночь безсонная отъ думшечекъ то, взгомозился я ни свѣтъ ни заря къ батюшкѣ.

Собрался, вмигъ котомку за плечи и пошелъ къ нему за Благословеніемъ уйти изъ прихода. Часа въ четыре дня я

уже былъ въ Оптиной. Батюшка меня не зналъ. Прихожу въ хибарку его, а ужъ тамъ народу тьма — дожидають выхода батюшки. Сталь и я въ сторонкѣ дожидаться. О приходѣ своемъ, о цѣли своего прихода я никому не сказывалъ. Смотрю— онъ выходитъ, да прямо меня и манитъ къ сеоѣ:

— Ты, іерей, что тамъ такое задумалъ? Приходи бросить? А? Ты знаешь, кто іереевъ ставитъ? А ты бросать?! Храмъ. вишь, у него старъ, заваливаться сталь! А ты строй новый, да большой, каменный, да теплый, да полы чтобы въ немъ были деревянные: больныхъ привозить будутъ, такъ имъ чтобы тепло было. Ступай, ступай домой, дурь изъ головы выкинь, да храмъ-то, храмъ-то строй, какъ я тебѣ сказываю. Ступай — Богъ благословитъ! сказалъ и пошелъ съ другими бесѣдовать. Я слова не могъ вымолвить. Пошелъ домой я тутъ же. Иду, какъ оплеванный. Что же это такое? Каменный храмъ строить мнѣ? Я съ голоду, почитай, умираю, а тутъ храмъ строить! Ловко утѣшилъ, нечего сказать! Домой пришелъ, отдѣлался отъ вопросовъ ужъ не помню какъ. Сказалъ только, что не благословилъ старецъ просить перевода. Что у меня тогда въ

душѣ происходило, кажется, и не передать. Напала на меня тоска неотвязная. Молиться хочу, молитва на умъ нейдетъ. Съ людьми, съ женой не разговариваю. Задумываться сталь. И сталь я голоса какіе-то слышать и ночью и днемъ; больше ночью: уходи скорѣе! Ты одинъ, а насъ много! Гдѣ тебѣ съ нами бороться? Мы тебя совсѣмъ со свѣту сживемъ! Галлюцинаціи, должно быть.

— Дѣло дошло до того, что не только молитвы не было во мнѣ, мысли богохульныя стали лѣзть въ голову, а придетъ ночь, сна нѣтъ и какая-то сила прямо съ постели на полъ сбрасываетъ, да не въ мысляхъ, а на дѣлѣ, прямо такъ-таки поднимаетъ да и швырнетъ съ постели на полъ. А голоса-то все страшнѣе, все грознѣе, все настойчивѣе: ступай, ступай вонъ отъ насъ!.. Я опять въ ужасѣ. почти нолупомѣшанный отъ перенесенныхъ страховъ, бросился къ отцу Амвросію. Отецъ Амвросій какъ увидаль меня, да прямо съ мѣста, ни о чемъ меня не разспрашивая, и говорить мнѣ:

— Ну, іерей. чего испугался-то? Онъ — одинъ. а васъ двое?

— Какъ же это такъ, говорю, батюшка?

— Христосъ Богъ да ты—вотъ и выходитъ двое, а врагъ то, онъ

одинъ. Ступай, говорить, домой, ничего впередъ не боясь, да храмъ-то, храмъ-то большой, каменный, да чтобы теплый, не забудь строить, Богъ тебя благословить.

Съ тѣмъ я и ушелъ. Прихожу домой — съ сердца точно гора свалилась. И отпали отъ меня всѣ страхи. Сталь я и молиться: поставишь себѣ въ церкви аналойчикъ за лѣвымъ клиросомъ передъ иконой Царицы Небесной, да и начнешь въ одиночку, въ пустой церкви, канонъ Ей читать, тотъ, что теперь читаю. Кое-что изъ другихъ молитвъ сталь добавлять. Смотрю — такъ черезъ недѣлю-другую: одинъ пришель въ церковь, сталь въ уголку, да со мной вмѣстѣ молится Богу, другой, третій, а тамъ и вся церковь полна стала набираться. И какъ померъ батюшка Амвросій, народъ началъ весь къ Чекряку прибаваться; совѣтовъ отъ меня ищутъ — безъ отца Амвросія-то жутко стало жить на своей-то волюшкѣ, трудно человѣку стало въ наше время безъ слова утѣшенія. Ну, да я какой утѣшитель! Вотъ отецъ Амвросій, тотъ и впрямь былъ всякихъ недуговъ душевныхъ и тѣлесныхъ, по великой милости Божіей, врачеватель. Впрочемъ, по вѣрѣ ищущаго, Господь ему не отказываетъ въ его прошеніи и чрезъ недостойныхъ пастырей, Имъ поставленныхъ.

Какъ проходитъ день о. Георгія, вотъ разсказъ посѣтителя села Чекрякъ *).

Маленькая, тѣсная церковка, вида весьма древняго, уже была переполнена народомъ, когда я, запыхавшись, взбѣжалъ но ветхимъ ступенямъ ея убогаго крыльца. Народъ стоялъ все болѣе простой—мужики да бабы; было больше бабъ.

Кое-гдѣ темнымъ пятномъ на краснѣвшемъ фонѣ разноцвѣтныхъ платковъ и желтыхъ нагальныхъ полушубковъ выдѣлялись шубы городского купческаго покроя. Такихъ было немного.

Я подошелъ къ свѣчному ящику.

Нестарая, повязанная чернымъ платочкомъ, женщина продавала свѣчи. Я замѣтилъ, что всѣ выложенныя на ящикѣ свѣчи были двухкопѣчныя. Народъ подходилъ, бралъ свѣчи. клалъ деньги, но сдачи не требовалъ: клали и пятаки, и двугривенныя, прозвенѣлъ чей-то полтинникъ... Я тоже положилъ не то рубль, не то полтинникъ.

Народу было много, но стояла тишина, полная сосредоточеннаго благоговѣнія. Я взялъ три свѣчи и, пробираясь черезъ толпу, пошелъ ихъ ставить къ «мѣстнымъ» образамъ въ иконостасѣ. За лѣвымъ клиросомъ у какого-то образа уже теплилось множество свѣчей и было замѣтно, что вся масса народа ютилась и жалась къ этому образу. Батюшки въ храмѣ не было видно. Положивъ поклонъ, я поставилъ свѣчку Святителю Николаю. Несмотря на тѣсноту въ церкви, въ ней было холодно, чѣмъ на открытомъ воздухѣ.

Отъ холода восковая свѣча ломалась въ рукахъ при постановкѣ въ подсвѣчникъ.

Передъ образомъ Богоматери свѣча моя, уже поставленная, свалилась и зажженнымъ концомъ упала на шитое полотенце, украшавшее Ликъ Пречистой.

Изъ-за плеча моего порывисто протянулась чья-то рука, успѣвшая во-время подхватить свѣчу...

Я оглянулся и... обомлѣлъ: въ полъоборота отъ меня стоялъ батюшка. Привычною, твердою рукой онъ поставилъ мою свѣчу и, не глядя на меня, не глядя ни на кого, пошелъ оправлять и зажигать самъ лампадки передъ образами. По вѣкъ не забыть мнѣ того впечатлѣнія, какое оставила въ моей душѣ эта первая моя съ нимъ встрѣча. Я былъ потрясенъ, даже испуганъ; какъ если-бы изъ образа Іоанна Крестителя, какимъ его обыкновенно пишутъ, вдругъ

вышелъ самъ Предтеча Господень и сталь зажигать на моихъ глазахъ лампадки. Обликъ отца Георгія въ старой, заношенной ризѣ, обвисшей на его высокой сухощавой фигурѣ мягкими складками, изъ потертой отъ времени и долгаго употребленія парчи, его темные, съ большой просѣдью волосы, закинутые со лба назадъ непослушными, мелко вьющимися прядями съ одной прядкой, непокорно сбившеюся на дивный высокій лобъ, рѣденькая бородка, небольшие усы, открывающее характерный сильный ротъ, въ которомъ такъ и отпечатлѣлся характеръ стойкій, точно выкованный изъ желѣза; глаза небольшие, горящіе какимъ-то особенно яркимъ, внутреннимъ огнемъ, со вздохомъ, глубоко, глубоко устремленныхъ внутрь себя изъ-подъ глубокихъ, рѣзкихъ складокъ между бровями—вся фигура отца Георгія, поражала сходствомъ съ тѣмъ, кто по преданію рисуется нашему вѣрующему представлению, какъ «Гласъ вопіющаго въ пустынь». И обстановка, окружавшая отца Георгія, такъ напоминала ту пустыню, только не ту знойную у Іордана, а нашу, холодную, снѣжную. Пока батюшка оправлялъ лампады, я сталь у праваго клироса, гдѣ было немного посвободнѣе отъ толпы, собравшейся ближе къ лѣвому. Глазъ не могъ я оторвать отъ отца Георгія. Вихремъ въ головѣ моей проносилась вся исторія Христовой Церкви на землѣ, вся исторія ея младшей дочери, Православной Русской Церкви, исполненная дивныхъ образовъ вѣрныхъ ея воиновъ, несшихъ ей побѣдныя вѣнцы въ борьбѣ съ внутренними и внѣшними врагами, съ врагами земными и врагами злобы поднебесной — безчисленною ратью князя міра сего, князя вѣка сего. Передо мной, очевидно было, предстать одинъ изъ такихъ воиновъ.

Порывистою, быстрою походкой отецъ Георгій вошелъ

въ алтарь. Черезъ минуту онъ вышелъ оттуда, неся въ рукахъ аналой и толстую книгу въ старинномъ кожаномъ переплетѣ. Толпа почтительно и безшумно подалась назадъ и открыла доступъ батюшкѣ къ лѣвому клиросу, сзади котораго уже, какъ я говорилъ, теплились безчисленныя свѣчи. Всѣ молящіеся какъ то насторожились въ благоговѣйномъ молчаніи... Тихо, проникновенно и вмѣстѣ властно раздался призывъ о. Георгія.

— «Три поклона Божіей Матери!» И вся толпа, какъ одинъ человѣкъ, во главѣ съ батюшкой, разомъ опустила троекратно на колѣни. Бъ отдаленномъ углу церкви раздалось чье-то тихое всхлипываніе... Многие, какъ опустились на колѣни, такъ и остались въ этомъ положеніи...

— «Къ Богородицѣ прилежно нынѣ притецемъ, грѣшніи и смиренніи, и припадемъ въ покаяніи, зовуще изъ глубины души: Владычице, помози, на ны милосердовавши, потщися — погибаетъ отъ множества прегрѣшеній, не отврати Твоя рабы тщи, Тя бо и Едину надежду имамы!» И опять «Къ Богородицѣ прилежно нынѣ притецемъ»... раздалися слова знакомаго молебнаго канона къ Пречистой, «поемаго во всякой скорби душевной и обстояніи». Какой проникновенный, исполненный безпредѣльной вѣры, голосъ читалъ эти дивныя, покаянныя слова!

Толпа замерла. Казалось, вся ея безчисленная скорбь слилась въ одно общее молитвенное напряженіе, и голосъ о. Георгія уже не былъ его голосомъ, а голосомъ всей этой народной груди, захлебывающейся отъ едва сдерживаемыхъ затаенныхъ рыданій. И слезы, безшумныя, тихія слезы текли изъ глазъ многихъ.

— «Моленіе теплое, и стѣно необоримая, милости источниче, мірови прибѣжище, прилежно вопіемъ Ти: Богородице Владычице

предвари, и отъ бѣды избави насъ, едина вскорѣ предстательствующая».

Это была теплая, неотступная просьба. Чудилось что Та, къ Кому относилась эта просьба, была тутъ, съ нами, что Она слышала насъ, слушала благосклонно своего вѣрнаго служителя, скорбѣла съ нами нашими скорбями. Вѣровалось, что Она насъ, рабовъ своихъ, «не отвратитъ тщи», что не тщетны нами возлагаемый на Нее надежды.

Прочель батюшка часть канона, взошелъ на солею, снялъ стаканчикъ лампы отъ образа Святителя Николая и съ лампадой этой въ рукахъ, не глядя ни на кого, все съ тѣмъ же устремленнымъ вглубь себя взоромъ, пошелъ по народу, знаменуя масломъ изъ лампы на челѣ и рукахъ молящихся крестъ Господень.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! Какъ звать?

— Андреемъ, батюшка!

— Ѳекла, батюшка!

Отецъ Георгій близко, не дойдя до меня, пошелъ въ сторону. Неужели я такой грѣшникъ? Миѣ жутко стало. Отецъ Георгій внезапно очутился около меня:

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! Какъ—звать

— Сергій!

Я было отъ неожиданности забылъ свое имя.

Батюшка помазалъ мнѣ крестообразно лобъ.

Я подаль ему свои руки. Онъ самъ перевернулъ ихъ ладонями вверхъ, на ладоняхъ сдѣлалъ тотъ же знакъ креста и пошелъ дальше. Масло потекло у меня по лбу.

Мнѣ стало какъ будто неприятно «Зачѣмъ онъ это дѣлаетъ?»— подумалось мнѣ, — вѣдь не всякому можетъ нравиться и запахъ лампаднаго масла, и это ощущение на лицѣ чего то жирнаго, липкаго».

Посмотрѣлъ я на сосѣдей, у всѣхъ на лицахъ было одно выраженіе серіознаго, сосредоточеннаго благоговѣнія, Мнѣ стало до боли за себя

стыдно: или вѣруй по заповѣди Христовой, какъ младенцы, или не мѣсто тебѣ здѣсь,—здѣсь одни чистые сердцемъ, вѣрующіе своему, Богомъ поставленному, пастырю.

Я почувствовалъ себя виноватымъ и передъ совѣстью своею, и передъ этими окружающими меня «младенцами», ангелы которыхъ всегда видятъ Лице Отца ихъ Небеснаго. Среди все той же благоговѣйной тишины въ храмѣ опять стали звучать слова канона.

— «Предстательницу Тя живота вѣмъ и хранительницу тверду, Дѣво, и напастей рѣшашу молвы, и наложи бѣсовъ отгоняющу: и молюся всегда отъ тли страстей моихъ избави мя».

Батюшка еще три раза прерывалъ чтеніе канона, обходя молящихся съ лампадами отъ образа Царицы Небесной, Спасителя и съ Евангелиемъ, которымъ онъ благословлялъ каждого съ какою-то особою проникновенностью, давая его цѣловать и затѣмъ возлагая Его на голову богомольца.

Благословивъ по окончаніи чтенія канона молящихся крестомъ, такъ же какъ и съ Евангелиемъ подходя къ каждому богомольцу, о. Георгій прочиталъ молитвы на освященіе воды, снесъ аналой на солею, изъ алтаря вынесъ копіе, употребляемое при проскомидіи, небольшую луженую кострюлечку, взялъ ихъ въ обѣ руки и самъ сталъ передъ аналоемъ. Народъ столпился передъ нимъ. У каждого въ рукѣ была какая-нибудь посуда, наполненная водой. Степенно, безъ толкотни и давки, богомольцы подходили къ батюшкѣ и подавали ему свою посудинку. Батюшка бралъ ее, наливалъ воду въ свою кострюлечку, погружалъ въ нее копіе, дѣлая имъ въ водѣ троекратно крестное знаменіе...

— Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа! На что берешь воду? — при этомъ батюшка

освященную воду черезъ леечку выливалъ обратно въ поданную посуду.

— Дѣвочка моя вотъ уже третій годикъ отъ Покрова съ печки не подымается:, какъ захворала — все лежить: .вся уже изсохла, бѣдная. Помолитесь, батюшка!

— Какъ звать твою дѣвочку? Какихъ лѣтъ?

— Пятнадцать годочковъ. Съ Великаго поста шестнадцатый пошелъ. Помолитесь, батюшка! Парашей зовуть.

— Пераскевой? Помолюсь— Богъ поможетъ: у Бога милости много. Не грѣшна ли чѣмъ? Господь иногда въ дѣтяхъ за нераскаянный грѣхъ родительскій наказываетъ.

— Всѣмъ грѣшны, окаянные! Благословите, батюшка, у васъ поисповѣдаться!

— Богъ благословитъ! Останься, пока народъ схлыщетъ. Какая-то молодая бабенка суетъ батюшкѣ въ руку цѣлую четвертную бутылъ.

— На что берешь воду? Куда столько?

— Батюшка! я дальняя. Себѣ беру, да сосѣди просили. Твоя водица-то сколькимъ отъ болѣзней помогаетъ. Безпремѣнно наказывали воды твоей хоть по чуточкѣ принести.

— Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа! Не моя водица, а святая, Самимъ Богомъ освященная, черезъ меня грѣшнаго священная, эта-то вода, а не моя вода, и помогаетъ по вѣрѣ отъ болѣзней!

— Простите, батюшка!

— Богъ проститъ!

— Батюшка! мужъ со мной больно плохо живетъ.

— Батюшка, сынъ. ушелъ. Пятый годикъ не шлетъ вѣсточки!

Батюшка! Благословите мнѣ лавку открыть. Батюшка!...

И на всѣ запросы, на всякій крикъ сердечный давно наболѣвшаго горя у о. Георгія находилось слово привѣта, утѣшенія. Въ каждомъ его совѣтѣ, въ каждомъ словѣ его чувствовалось такое знаніе сердца человѣческаго, такое

проникновеніе въ самую глубь народнаго быта, душевной жизни народа, что ни одинъ подходившій, иногда приступавши къ нему съ глазами, красными отъ невысохшихъ слезъ, не уходилъ отъ него съ лицомъ не просвѣтленнымъ.

Чувствовалось, что каждый получалъ свое утѣшеніе и именно то, котораго жаждала и безъ о. Георгія не находила его скорбная, измученная душа. Говорять, о. Амвросій обладалъ именно этимъ свѣше ниспосланнымъ даромъ.

Около часа простоялъ я въ своемъ уголкѣ, съ невыразимымъ вниманіемъ наблюдая эту удивительную, никогда не виданную картину. Я чувствовалъ, что утомился отъ долгаго стоянія, а батюшка, казалось, не чувствовалъ усталости, все тотъ же бодрый, участливый голось его раздавался по церкви. Что за удивительная сила духа! И этотъ человѣкъ «ужъ больно хворѣть былъ — кровью кашлялъ». Волиѣ чающихъ совѣта и утѣшенія все отлива не было. Между ними были и желающіе исповѣдываться, такъ что о. Георгію труда останалось еще часа на два, на три. Я пошелъ въ «странную», чтобы дожидаться выхода отца Георгія изъ церкви.

«Странная» отца Георгія— длинное одноэтажное деревянное зданіе — вся была переполнена народомъ. Намъ былъ отведенъ номерокъ — маленькая, тѣсная комнатка въ одно окно, съ убогою мебелью. Вся постройка выглядывала довольно ветхою. Пахло сыростью, испареніями человѣка... Не за житейскимъ комфортомъ ѣздить къ отцу Георгію!

Часа два стоялъ я на перекошенномъ крыльцѣ, дожидаясь выхода батюшки изъ церкви. Исповѣдники его задерживали. Отъ начала канона уже прошло часовъ пять. Наступали ранніе зимніе сумерки. Прошли изъ церкви

мимо меня двѣ прилично одѣтыя женщины.

— Скоро батюшка выйдетъ?

— Должно быть сейчасъ, — въ церкви, кажется, больше никого нѣтъ.

Я остался одинъ. Начинало понемногу темнѣть... Весь народъ попрыгался отъ крѣпчавшаго мороза но теплымъ уголкамъ, гдѣ кто могъ найти себѣ мѣстечко. Батюшка все еще не выходилъ.

Наконецъ, взвизнула на застывшихъ тяжелыхъ желѣзныхъ петляхъ дверь, и отецъ Георгій вышелъ изъ церкви, разговаривая съ какимъ-то человѣкомъ. Онъ самъ заперъ церковныя двери, попробовалъ замочъ, хорошо ли запертъ, и, замѣтивъ, вѣроятно, мое ожиданіе, сталъ прощаться со своимъ собесѣдникомъ.

— Богъ благословить!.. Поѣжайте съ Господомъ!.. Пошли вамъ Господь милость Божію! говорилъ батюшка, пока тотъ принималъ его напутственное благословеніе. Я тоже подошелъ подъ благословеніе.

Какъ-то особенно, съ какимъ-то особымъ, если можно такъ выразиться, дерзновеніемъ, широкимъ іерейскимъ крестомъ онъ благословилъ меня. Мы вдвоемъ пошли рядомъ. Легонькая, потертая ряска на вытертыхъ отъ времени простыхъ овчинахъ, старый вязаный шарфъ на шеѣ, на головѣ облѣзлая мѣховая шапка мѣха.

Совершенно неопредѣленного, — совсѣмъ бѣдный дячекъ изъ бѣднѣйшаго прихода. И рядомъ съ этимъ трехъэтажный домъ трудолюбія, новый трехпрестольный каменный храмъ. Этотъ человѣкъ не

«своихъ си» ищетъ,

— Батюшка, я издалека приѣхалъ, — можно къ вамъ зайти въ домъ? мнѣ очень нужно съ вами поговорить.

— Милости просимъ, пожалуйста!.. Пошли Господь милость Божію, — поговоримте, поговоримте!

По дорогѣ къ дому отца Георгія навстрѣчу намъ подбѣгали богомольцы, — кто принять благословеніе, кто съ вопросомъ, за совѣтомъ. Точно чутьемъ какимъ учуяли, что идетъ батюшка: выползли изъ теплыхъ закоулковъ, гдѣ сидѣли спрятанными.

Господи, какъ же это силъ хватаетъ у этого человѣка?! Какое чисто ангельское терпѣніе!.. Только у самага дома его оставили въ покоѣ.

Съ отцомъ Георгіемъ мы вошли въ домъ черезъ заднее крыльцо, черезъ кухню. Обстановка въ домѣ сѣренькая, вполне подходящая къ батюшкиному одѣянію. За стѣной, въ сосѣдней комнатѣ, слышна возня, — должно быть, дѣти берутся. На столѣ приготовлена скромная трапеза: въ обливной глиняной полу-мискѣ лежитъ нарѣзанная крупными кусками вареная, уже остывшая, говядина, «хриотославная черствая лепешка» простой ржаной муки, видимо, даже плохо пропеченная — даръ прихожанъ своему пастырю, банка изъ-подъ французской горчицы съ простою горчицей. Другихъ «разносоловъ» что-то не было замѣтно.

— Погрѣйтесь, пока я переодѣнусь, у печки, а то вы, я вижу, застыли!

У меня отъ холода, дѣйствительно, зубъ на зубъ не попадалъ. Въ кухню кто-то

вошелъ. Послышался разговоръ. Чей-то недовольный голосъ раздался довольно громко:

— Да дайте же вы, наконецъ, хоть поѣсть батюшкѣ!

— Да, какъ же? покойничка-то? вѣдь его проводить надо же?

— Не уйдетъ вашъ покойникъ! Надо-жъ жалость имѣть къ живому-то человѣку- вѣдь не желѣзный! — долетали до меня негодующія восклицанія.

Въ эту минуту прошелъ мимо меня отецъ Гворгій, направляясь въ кухню, откуда слышалась эта не вполне мирная бесѣда.

Я стоялъ и грѣлся около печки. Въ комнатѣ было довольно холодно.

Пробѣжалъ карапузикъ, мальчикъ лѣтъ двухъ. Все личико замазано кашей. Посмотрѣлъ на меня удивленно, не то испуганно, и затопалъ еще невѣрными ножками обратно. Возня въ сосѣдней комнатѣ между ребятишками продолжалась... Въ кухнѣ непріятные разговоры замолкли. Вошелъ батюшка.

— Вотъ дѣло-то какое! Надо ѣхать въ село поднимать покойника, пока еще вовсе не стемнѣло. Вы ужъ меня простите. Зайдите вечеркомъ, часовъ въ восемь.*

О духовной мудрости и прозорливости отца Георгія ходитъ много разсказовъ. Вотъ что слышалъ одинъ наблюдатель отъ своего знакомаго. «Есть у насъ въ Болховѣ купецъ богатый. Народу онъ на своемъ вѣку обидѣлъ безъ конца. Чего говорить! и своимъ роднымъ не давалъ пощады: только попадись — давилъ да гнулъ всѣхъ, кто только ни попадалъ къ нему въ руки. Нишихъ не

мало подѣлалъ. Подъ старость богомолень сталъ: жертвователемъ сдѣлался, на церкви да на монастыри кушамы сталъ отваливать. Прослышала онъ, что отцу Егору изъ денегъ тѣсенюко: зачалъ свой храмъ строить, что теперь каменный въ Чекрякѣ, а на достройку выходитъ недохватка. Поѣхалъ къ нему нашъ богатѣй да и говорить батюшкѣ-то: наслышаны мы, моль, что деньгами вы нуждаетесь, такъ пожалуйста вамъ отъ меня на построеніе храма 20 тысячъ отъ нашего усердія. А батюшка ему: храмы Богъ строить, а мы — люди, у него прикащики.- По людскому, по прикащичьему, спасибо тебѣ на жертвѣ, ну а Хозяинъ твоихъ денегъ братъ не велитъ. Какъ такъ? Да, очень просто: деньги ваши больно человѣческими слезами подмочены, а такія Богу не угодны. Родные твои кровные отъ тебя по міру гуляютъ, а ты думаешь у Бога отъ ихъ слезъ деньгами откупиться: не возьму отъ тебя и милліона. Возьму, когда ублаготворишь тобою обиженныхъ, Что-жъ бы вы думали? вѣдь привелъ въ совѣсть богатѣя-то нашего: теперь всѣхъ своихъ родныхъ, кого обидѣлъ, на ноги ставить — дворы имъ строить, деньгами одѣлять. Стороннихъ-то, имъ обиженныхъ, и тѣхъ разыскиваетъ, чтобы обиды свои выправить. Вотъ какъ нашъ батюшка людей на путь наставляеть! Всего, что слышишь или самъ, бываетъ, видишь, изъ дѣлъ батюшкиныхъ не соберешь и не развѣкажешь. Одно слово истинный пастырь Божій.

(„Кормчий“, № 58 за 1904 г.)

ПРЕДЪ СУДОМЪ БОЖИИМЪ – продолжение (начало в №7)

Мы продолжаемъ печатать документы изъ церковныхъ архивовъ, которыя раскрываютъ суть взаимоотношеній между Русскою Зарубежною Церковью и т.н. Московскою Патріархіей. Ввиду того, что многія письма и посланія неотрывны по сути отъ предшествующихъ, мы совѣтуемъ вамъ читать этотъ раздѣлъ с начала, которое вы найдете въ №7-м нашего листка.

**РЕЧЬ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА
АЛЕКСИЯ**

**в Патриаршем соборе перед молебном 21
декабря, в день празднования
семидесятилетия И. В. СТАЛИНА**

Сегодня наша Страна празднует день рождения и семидесятилетие твоего Вождя, Иосифа Виссарионовича Сталина.

Со всех концов мира несутся к нему выражения любви, приветствия, благожелания, признание его великих заслуг пред Родиной, пред всем тем нравственно-высоким, что составляет идеал стремлений человечества.

Он — признанный всем миром Вождь не только народов Советского Государства, но и всех трудящихся; он — первый в ряду поборников и защитников мира среди народов, мира во всем мире.

Мне нет нужды, ибо это всем нам хорошо известно, излагать здесь его великие заслуги перед Родиной нашей в деле укрепления ее мощи, в деле её необыкновенного преуспевания во всех отношениях, во всех отраслях труда; нет надобности напоминать вам и о том, что, благодаря его гениальному руководству, наша славная армия в годину тяжчайших испытаний, постигших наше Отечество, когда на него напал сильный и злобный враг, — одержала победу над этим врагом, и Родина наша вышла из горнила испытаний еще более сильной, славной и мощной.

Всякий, кто лично знаком с нашим Вождем, поражается обаянием его личности; он покоряет собеседника своим внимательным отношением ко всякому делу; ласковостью; своей необыкновенной осведомленностью во всяком деле; силой и мудростью слова; быстрым и благоприятным решением каждого представляемого ему дела и вопроса.

Мы, церковные люди, должны благодарить его особенно за его участливое отношение к нашим церковным нуждам; всякий церковный вопрос, соприкасающийся с гражданскими сферами, он разрешает в благоприятном для Церкви смысле. Святая Церковь наша имеет в нем верного защитника. Мы собрались сегодня в великом

множестве в храмах наших, чтобы, как это свойственно нам, верующим и церковным людям, молитвою принять участие, в праздновании этого знаменательного для него и для всех нас дня и испросить у Господа ему и в дальнейшем благословение на его великий подвиг служения родному Отечеству и народу и успех во всех его благих начинаниях.

Да даст ему Господь много лет в здравии и благоденствии стоять у кормила, правления родной Страной, и да процветает Страна наша под его мудрым водительством многая и многая лета на радость и счастье ее народов. Аминь.

*Журнал Московской Патриархии
№ 1, 1950*

**Рѣчь
Патриарха Московскаго и всея Руси Алексія
передъ панихидой по И.В. Сталинѣ,
сказанная въ патриаршемъ соборѣ
въ день его похоронъ
9 марта 1953 года**

Великаго Вождя нашего народа, Иосифа Виссарионовича Сталина, не стало. Упразднилась сила великая, нравственная, общественная; сила, въ которой народъ нашъ ощущалъ собственную силу, которою онъ руководился въ своихъ созидательныхъ трудахъ и предпріятіяхъ, которой онъ утѣшался въ теченіе многихъ лѣтъ. Нѣтъ области, куда бы ни проникалъ глубокой взоръ великаго Вождя. Люди науки изумлялись его глубокой научной осведомленности въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ, его гениальнымъ научнымъ обобщеніямъ; военные — его военному гению; люди самаго различнаго труда неизмѣнно получали отъ него мощную поддержку и цѣнные указанія. Какъ челоѣкъ гениальный, онъ въ каждомъ дѣлѣ открывалъ то, что было невидимо и недоступно для обыкновеннаго ума.

Объ его напряженныхъ заботахъ и подвигахъ во время Великой Отечественной войны, объ его гениальномъ руководствѣ военными дѣйствіями, давшими намъ побѣду надъ сильнымъ врагомъ и вообще надъ фашизмомъ; объ его многогранныхъ необъятныхъ повседневныхъ трудахъ по управленію, по руководству государственными дѣлами — пространно и

убѣдительно говорили и въ печати и, особенно, при послѣднемъ прощаніи сегодня, въ день его похоронъ, его ближайшіе соратники. Его имя, какъ поборника мира во всемъ мірѣ, и его славныя дѣянія будутъ жить въ вѣкахъ.

Мы же, собравшись для молитвы о немъ, не можемъ пройти молчаніемъ его всегда благожелательнаго, участливаго отношенія къ нашимъ церковнымъ нуждамъ. Ни одинъ вопросъ, съ которымъ бы мы къ нему не обращались, не былъ имъ отвергнутъ; онъ удовлетворялъ всѣ наши просьбы. И много добраго и полезнаго, благодаря его высокому авторитету, сдѣлано для нашей Церкви нашимъ Правительствомъ.

Память о немъ для насъ незабвенна, и наша Русская Православная Церковь, оплакивая его уходъ отъ насъ, провожаетъ его въ послѣдній путь, „въ путь всея земли“, горячей молитвой.

Въ эти печальные для насъ дни со всѣхъ сторонъ нашего Отечества отъ архіереевъ, духовенства и вѣрующихъ, изъ-за границы отъ Главъ и представителей Церквей, какъ православныхъ, такъ и инославныхъ, я получаю множество телеграммъ, въ которыхъ сообщается о молитвахъ о немъ и выражается намъ соболѣзнованіе по случаю этой печальной для насъ утраты.

Мы молились о немъ, когда пришла вѣсть о его тяжелой болѣзни. И теперь, когда его не стало, мы молимся о мирѣ его безсмертной души.

Вчера наша особая делегация, въ составѣ Высокопреосвященнаго Митрополита Николая; представителя Епископата, духовенства и вѣрующихъ Сибири, архіепископа Палладія; представителя Епископата, духовенства и вѣрующихъ Украины, архіепископа Никона и протопресвитера о. Николая, возложила вѣнокъ къ его гробу и поклонилась отъ лица Русской Православной Церкви его дорогому праху.

Молитва, преисполненная любви христіанской, доходить до Бога. Мы вѣруемъ, что и наша молитва о почившемъ будетъ услышана Господомъ.

И нашему возлюбленному и незабвенному Иосифу Виссарионовичу мы молитвенно, съ глубокой горячей любовью возглашаемъ вѣчную память.